

ВОЛОС МЕЖДУ L'ORÉAL И GILLETTE

THE SYSTEM · 11

Волосы — это деталь, в которой люди лишь делают вид, что разбираются.

Их называют гигиеной, эстетикой, идентичностью, культурой, ритуалом.

На деле это просто граница — между тем, что ты показываешь, и тем, что прячешь.

Кто-то доверяет их парикмахерам, кто-то косметологам, кто-то современным машинкам, обещающим самостоятельность и совершенство. Но волосы остаются на месте, упрямые, — биологическое напоминание: ты животное прежде, чем существо общественное.

И всё же они не враг. Они неудобный друг, попутчик, который напоминает, откуда ты родом. У них почти капиллярное распределение, цвет, назначенный твоей генетической картой, и история, которую не стереть. Даже те, кто страдает алопецией, не лишены их — они лишь потеряли их на срок, который никто не может определить.

Но чтобы понять волосы, нужно вернуться к истоку — туда, куда возвращаешься всегда: к первобытному человеку.

Я представляю это так: сцена из доисторического нуара. Двое за стеной травы разговаривают. Подходит третий и не может разобрать, кто из них мужчина, а кто женщина. Лица мало. Лицо обманывает.

И тогда женщина решает изменить судьбу своей идентичности.

Она идёт к реке, смотрится в воду и видит бороду.

Борода ей не нравится. Не выражает её. Не отличает её.

Она находит острый камень и принимается удалять волосы, волосок за волоском.

Она обнаруживает, что отрастают они медленно, — и это даёт ей преимущество: ей не нужно повторять ритуал каждый день. И обнаруживает кое-что куда более сильное: мужчина смотрит на неё иначе.

Различие становится влечением.

Различие становится языком.

Отсюда рождается вся культура волос: сначала символическая, потом социальная, потом гигиеническая, потом научная, потом идеологическая.

Вплоть до современных крайностей: одни говорят, что волосы защищают от бактерий и их надо сохранять; другие — что их надо удалять, чтобы тебя приняли; третьи — что им надо придавать форму, чтобы тебя желали.

Правда проще: волос рождается, растёт, изгибается... и в той точке, где изгибается, умирает.

Но корень остаётся живым, упрямым, как иные идеи, которые не удалить даже усилием воли.

И есть ещё последнее правило — то, которое знают только рассказчики:

никогда не делай из пушка́ пушку.

Разница минимальна — всего одна гласная.

Но она меняет всё.

Ferdinando